

— Ну, ты же учил меня однажды, — Оу Шаовэнь не слишком любил, когда его называли бесполезным, — в следующий раз я справлюсь.

Оу Жэньцзинь поднялся с места, собираясь подняться наверх:

— Я пойду в кабинет заняться делами. Пожалуйста, пока не заходи ко мне.

— Хорошо, — Оу Шаовэнь молча наблюдал за его спиной, пока тот не исчез за поворотом лестницы. Затем он снова опустил взгляд на книгу, брошенную в стороне.

...

Дун Цяо был не так, как Оу Шаовэнь, который мог запомнить маршрут, проехав его всего один раз. В ту ночь он долго бродил по лесу без цели, так и не найдя дорогу обратно. Чем дальше он шёл, тем сильнее охватывали его страх и тревога. Он падал бесчисленное количество раз, и в последний раз ему удалось подвернуть ногу. В тот момент он даже не закричал, а просто медленно опустился у ствола дерева, терпя острую боль в лодыжке и дрожа от холода.

К тому времени, казалось, даже плакать уже не получалось. Он обхватил свои колени, и бескрайний страх, словно саван, окутал его, превращая в холодный труп.

Он умрёт здесь? Неизвестно, было ли это из-за последних угроз Оу Жэньцзиня или из-за его собственной переоценки власти этих титанов шоу-бизнеса, но в тот момент он искренне верил, что может действительно умереть этой ночью.

Он был настолько напуган, что даже оцепенел. Он лишь думал, что если бы время могло вернуться к прошлой ночи, он бы точно сказал правду, когда его спросили про Оу Шаовэня:

— Он пошёл убирать мусор, который мы только что выбросили.

На следующее утро у подножия горы Дун Цяо так и не появился. Гуань Цицзюнь доложил ситуацию Оу Жэньцзиню, а затем, следуя его указаниям, с людьми отправился на поиски и вернул его домой.

У Дун Цяо три дня держалась температура, и после этого он больше не появлялся на уроках танцев, которые посещал Оу Шаовэнь.

Занятия по танцам Оу Шаовэня сократились вдвое, и время было распределено на уроки игры на музыкальных инструментах и вокал. Оу Жэньцзинь уже начал договариваться о песнях для Оу Шаовэня и просматривал планы предстоящих проектов кастингов на крупных телевизионных сайтах, выбирая тот, который он считал наиболее подходящим по формату и характеру Оу Шаовэня.

Он планировал отправить этого парня на это шоу талантов, где он сможет привлечь внимание и, подобно снежному кому, набрать ещё больше популярности. Затем, используя эту популярность, он сможет дебютировать как идол, выпускать песни и синглы, что будет гораздо эффективнее, чем тратить ресурсы на его раскрутку.

Шоу, которое Оу Жэньцзинь выбрал для него, называлось «В свете софитов». Проект стартовал через месяц, поэтому в это время расписание Оу Шаовэня было чрезвычайно насыщенным. Кроме съёмок новой фотосессии, почти всё его время уходило на занятия в тренировочном зале.

Поэтому во многие вечера, когда Оу Шаовэнь возвращался из тренировочного зала, Оу Жэньцинзнь уже спал. Хотя он и обещал, что наверстает все пропущенные дни в этом месяце, Оу Шаовэнь был человеком, который больше ценил настоящее, и будущие обещания, какими бы прекрасными они ни были, для него оставались лишь не наступившим будущим.

Приближался конец года, и как дела в компании Оу Жэньцинзния, так и многочисленные тренировки Оу Шаовэня подошли к концу. Даже тётюшка Чжоу и дядюшка Ли получили от Оу Жэньцинзния двухнедельный отпуск, чтобы провести время с семьями.

Огромная вилла опустела, но Оу Шаовэнь всегда был привычен к такой обстановке. Когда Оу Жэньцинзнь был рядом, он мог провести весь день, просто глядя на него. Когда Оу Жэньцинзния не было, он иногда повторял уроки, которые преподавали учителя, молча смотрел телевизор, а затем готовил себе довольно сытный ужин. Так проходил его день.

Почему-то ему казалось, что в последнее время Оу Жэньцинзнь был не в лучшем настроении. Дома он явно излучал негативную энергию, и даже его улыбки казались неискренними. Самое главное, он уже давно не целовал и не обнимал его.

Оу Шаовэнь невольно начал листать календарь, отсчитывая дни, и вдруг понял, что он прожил на этой вилле уже почти три месяца.

А самый короткий срок, который Оу Жэньцинзнь провёл с предыдущим партнёром, составлял всего восемьдесят дней.

Неужели пришло время ему уйти?

Двадцать девятое декабря.

Оу Жэньцинзнь сел в машину, направляющуюся на кладбище. Он сидел боком, молча глядя в окно. Снова эта холодная погода, и кажется, что даже самый сильный обогрев не может согреть.

Машина остановилась у ворот кладбища. Оу Жэньцинзнь вышел, купил два букета цветов и, держа их в руках, пошёл вперёд. В весеннее утро цветы скрывали половину его красивого лица, а волосы, слегка влажные от тумана, мягко лежали на лбу. Это мог бы быть прекрасный портрет красивого мужчины, если бы не его слишком мрачное и холодное выражение лица.

— Я буду ждать вас снаружи, постарайтесь побыстрее, — Гуань Цицзюнь уже привык к чрезмерной молчаливости и плохому настроению Оу Жэньцинзния в этот день. Ведь родители Оу Жэньцинзния умерли в один и тот же день, и хотя сначала казалось, что ситуация улучшается, судьба внезапно повернулась в другую сторону, превратившись в невыносимую трагедию.

Оу Жэньцинзнь кивнул и молча пошёл внутрь.

Гуань Цицзюнь с беспокойством посмотрел ему вслед, затем взглянул на часы. Как обычно, если Оу Жэньцинзнь не выйдет через полчаса, он без лишних слов войдёт и найдёт его.

Когда он впервые сопровождал Оу Жэньцинзния сюда, он только что поступил в старшую школу и был стройным молодым человеком. Тогда он тоже держал два букета цветов и настаивал на том, чтобы войти один. Но, войдя на кладбище, он долго не выходил, и когда Гуань Цицзюнь вошёл, то увидел Оу Жэньцинзния, лежащего без сознания перед могилой, бледного и холодного. В тот раз это было очень опасно, и на фоне простуды и высокой температуры Оу Жэньцинзнь чуть не остановился.

В последующие годы каждый раз в это время Оу Жэньцзинь заболел. Затем он постепенно взрослел, становился более сдержанным, и в последние годы этот день проходил спокойно. Гуань Цицзюнь вернулся в машину, взял лекарства, которые он приготовил на всякий случай, и крепко сжал их в руке.

Оу Жэньцзинь шёл тяжёлыми шагами вдоль ряда могил. Когда он уже почти дошёл до могил своих родителей, он внезапно остановился, и в его взгляде, устремлённом вперёд, была нескрываемая годами ненависть. Рука, держащая цветы, напряглась, и вены на ней выступили.

Оу Июнь и Цинь Юэжань сидели на корточках перед могилами его родителей, бросая в костёр пачки ритуальных денег.

Цинь Юэжань зевнула, протянула руки к огню, чтобы согреть их, и очень тщательно разминала свои онемевшие пальцы:

— Дорогой, почему в этом году старик так настаивал, чтобы мы приехали сюда и поклонились им? Это место так далеко, ехать несколько часов. Раньше мы приходили только на Цинмин, а в день поминовения просто ставили две палочки благовоний дома.

— Поставь фонари и пойдём домой, — Оу Июнь бросил оставшиеся ритуальные деньги в огонь, и пламя, резко погаснув, чуть не потухло.

Оу Жэньцзиню показалось, что у него заложило уши. Он тяжело дышал, стараясь подавить учащённое дыхание, и с обычным выражением лица подошёл к ним.

— Если вы не собираетесь сжигать ритуальные деньги с искренностью, зачем вообще приходите сюда поклоняться? — Оу Жэньцзинь обошёл их и подошёл к могиле, присел и взял толстую пачку ритуальных денег, которые сгорели лишь наполовину. Слабые искры, соприкоснувшись с воздухом, снова вспыхнули и быстро устремились к его пальцам.

Казалось, он обжётся языками пламени, и с шипением он разжал руку, позволив ритуальным деньгам разлететься в их сторону.

Оу Июнь резко отступил, а Цинь Юэжань издала короткий крик. Хотя они быстро уклонились, на их одежде осталось несколько чёрных следов. Цинь Юэжань, рассерженная до смеха, сказала:

— Оу Жэньцзинь, все эти годы я, как твоя тётя, из-за того, что ты с детства остался сиротой, бесчисленное количество раз терпела тебя. Ты уже взрослый человек, не думай, что ты всё ещё ребёнок, которому всё прощают за ошибки. Я тебе говорю, твой дед в этот раз действительно решил от тебя отказаться, и ты можешь продолжать эти глупые выходки.

<http://bllate.org/book/16325/1473645>